

Адмирал Локателли закончил свое выступление, и на мгновение в конференц-зале Дворца воцарилась тишина. Уинтерфолл исподтишка изучал лица собравшихся за столом, пытаясь прочесть их реакцию на доклад.

Анализ не был сложным. И в этом не было ничего удивительного.

Премьер-министр Бургундия, министр обороны Дапллейк и Первый лорд Адмиралтейства Казенестро прочно стояли за Локателли. Канцлер Брэкуотер, министр промышленности барон Харвич и бывший министр обороны леди Калвингделл не были убеждены. Остальные члены кабинета были более или менее нейтральны.

Что касается короля Эдварда...

Король сидел в стороне во главе стола, его выражение лица и язык тела говорили о том, что он пытается оставаться выше политики, бурлящей за столом около него.

Как, собственно, и должно было быть. Он был монархом, и его задачей было каким-то образом объединить все разрозненные элементы и точки зрения в единое целое.

Или, возможно, его отстраненность была более личной. Он оплакивал смерть своего сына, как и вся Мантикора, как он оплакивал и другие потери того ужасного дня. Но шрамы останутся, как и боль, надолго.

И все же, насколько Уинтерфолл изучил короля, у него возникло ощущение, что за этими темными глазами скрывается нечто большее. Что-то, что не было просто беспокойством и тревогой, которые чувствовали все вокруг стола.

Что-то, чего он ждал, и на что надеялся.

Эдвард позволил тишине продлиться еще секунду. Затем он серьезно кивнул Локателли. "Благодарю вас, адмирал," - сказал он. "Звездное Королевство безмерно благодарно за ваше мужество и самоотверженность, а также за мужество и самоотверженность остального флота и МПСС," - добавил он, кивнув в сторону Брэкуотера, " - в отражении этой неожиданной атаки. Я знаю, что у всех за этим столом есть вопросы, и мы постараемся дать всем вам возможность поднять их за то время, которое у нас осталось до созыва парламента."

"Конечно, Ваше Величество," - ответил Локателли. "Но прежде чем мы двинемся дальше, я хотел бы затронуть еще один вопрос."

Это было оно. Слова, тон, язык тела, все ясно на это указывало. Что бы не собирався сказать Локателли, это было именно то, что придумали они с королем.

Уинтерфолл бросил короткий взгляд на Брэкуотера. Глаза канцлера были прищурены, тело наклонено на несколько сантиметров вперед от спинки стула. Уинтерфолл не был заранее предупрежден об этом; очевидно, и Брэкуотер тоже.

И это было ошибкой. Очень серьезной. В нынешнем запутанном тумане, клубящемся по Звездному Королевству, не было хорошей идеей отрезать одного из главных политических игроков. Бросать чем-то в Брэкуотера, не давая ему возможности рассмотреть это первым, было приглашением к немедленному сопротивлению.

"Я замечу, что министр обороны Дапллейк и Первый лорд Адмиралтейства Казенестро рекомендовали нескольких офицеров КМФ к представлению их для награждения Крестом Мантикоры и Крестом Воинской Доблести," - сказал Локателли, его тон стал более официальным. "Как уже известно большинству из вас," - он обвел взглядом сидящих за столом, задержавшись на наименее проницательных в военном отношении людях, "эти награды являются самыми высокими наградами, которые могут быть вручены военнослужащим, проявившим исключительную доблесть перед лицом врага. Крест Мантикоры вручается офицерам, в то время как Крест Воинской Доблести зарезервирован для рядовых."

Все это Уинтерфолл знал, хотя до сих пор протокол награждения представлял в основном исторический интерес. Только один Крест Мантикоры когда-либо был вручен, капитану Франклину Кейси, и это было более ста лет назад. Насколько было известно Уинтерфоллу, никто никогда не получал Креста Воинской Доблести.

"То, что я предлагаю," - продолжал Локателли, "это изменение наименования на что-то более личное и, оглядываясь на будущие поколения, что-то более относящееся к истории Звездного Королевства."

И Уинтерфолл все понял.

Крест Мантикоры, один из которых уже должен был быть посмертно вручен племяннику Локателли, собирались переименовать в Крест Локателли.

Уинтерфолл взглянул на короля, в голове у него бурлила смесь досады из-за этих манипуляций и непрошеного восхищения этой тонкостью. Учитывая, что адмирал Локателли был бесспорным героем битвы, а также публичным лицом флота, кабинет едва ли мог отказать ему в этой маленькой славе. Конечно, не с нацией, все еще несущейся в седле эмоционального порыва победы Мантикоры.

Тонкость заключалась в том, что слава напрямую присоединялась к собственному престижу адмирала. Присвоение его имени высшей воинской награде государства даст ему небольшой, но значительный дополнительный психологический рычаг, когда парламент успокоится, чтобы принять трудные решения о будущем оборонной стратегии Звездного Королевства. И как не раз видел Уинтерфолл, главные решения часто зависели от мельчайших деталей.

По настоящему гениально было то, что Брэкуотер ничего не мог сделать, чтобы остановить его. Отклонение просьбы Локателли было бы самым мелким и мстительным политическим действием, комом грязи, который отскочил бы прямо на канцлера. Не было даже возможности для компромисса - либо Крест Мантикоры станет Крестом Локателли, либо нет, без какой-либо середины.

Тот факт, что король явно поддерживал игру Локателли, делал сопротивление еще более бессмысленным.

Но это не означало, что Брэкуотер не попытается. Уинтерфолл знал этого человека и знал, что он будет отстаивать свои убеждения и бороться за свою территорию, чего бы это ни стоило.

"Резюмируя сказанное," - продолжал Локателли, "и учитывая огромный героизм и мастерство, проявленные при реактивации лазера КЕВ Феникс и последующем уничтожении вражеского линейного крейсера - "

Брэкуотер чуть подался вперед, и Уинтерфолл почувствовал, что он готовится к сражению -

" - я предлагаю переименовать Крест Воинской Доблести в Крест Остерман."

Уинтерфолл уставился на Локателли, испытывая глубокое чувство, что из него выпустили весь воздух. Крест Остерман?

И мгновение спустя почувствовал прилив стыда. Конечно, король не играл с этим в политику. Не с Битвой при Мантикоре, когда в течение нескольких часов само существование Звездного Королевства висело на волоске. То, в чем сейчас нуждалась общественность, - это доверие к своим лидерам и уверенность в том, что их защитники справятся со своей ролью.

Они нуждались в героях. И Локателли, вместе с королем, дали им одного.

Винтерфолл посмотрел на Локателли, и еще один небольшой приступ стыда прокатился по его телу. Он никогда не любил адмирала. Но сегодня, по крайней мере на какое-то время, он мог уважать его.

"Отличное предложение, адмирал," - кивнул король Эдвард. "Есть официальная процедура, которую нужно пройти, но я не сомневаюсь, что изменение наименования будет одобрено." Он обвел взглядом сидящих за столом, словно ожидая, что кто-то осмелится ему возразить.

Но на этот раз даже Брэкуотер хранил молчание.

"Теперь давайте перейдем к вопросам," - продолжил король. "Милорд Бургундия, возможно вы могли бы начать."

* * *

"Я хотел, чтобы вы знали," - сказал Хейсман, глядя на него из-за стола с непроницаемым выражением лица, "что я подал прошение о присуждении вам Медали За Выдающуюся Доблесть."

"Спасибо, сэр," - сказал Трэвис, чувствуя внутри странное тепло.

Хотя, как и все остальные эмоции, которые он испытывал в течение двух недель после битвы, тепло было окрашено темнотой.

Конечно он был рад, что выжил, равно как и радовался тому, что выжило так много других.

Но слишком многие не выжили. Пять кораблей были полностью уничтожены, включая все остальные корабли группы Янус. Многие другие корабли, как и сам Кейси, вышли с серьезными повреждениями и гибелью людей, либо от вражеского огня, либо из-за катастрофического отказа их собственных изношенных систем.

Учитывая все это, даже разговоры о наградах казались мучительно преждевременными, если не откровенно, непристойно болезненными. Но адмирал Локателли уже был на пути к тому, чтобы захватить львиную долю заслуг за победу, как в парламенте, так и в средствах массовой информации. Было только справедливо, что остальные герои - истинные герои, по мнению Трэвиса - получат часть признания, прежде чем Локателли удерет со всем этим.

"Не стоит так волноваться," - кисло сказал Хейсман. "В просьбе было отказано."

Чувство тепла исчезло. "Сэр?" - спросил смущенный Трэвис.

"Некоторые авторитетные лица," - сказал Хейсман, выталкивая слова, словно пробираясь сквозь сугробы, "считают, что ваши идеи были выдвинуты в основном наудачу, и что их успех зависел как от этой самой удачи, так и от общей компетентности офицеров и команды Кейси."

"Да, сэр," - ответил Трэвис. "Я имею в виду... ну, конечно, это были усилия всего корабля. Идеи ничего не стоят без совместной работы и - "

"И одной командной работы недостаточно, когда вы сталкиваетесь с ничтожными шансами," - резко оборвал его Хейсман. "Что я и пытался объяснить. Вы все равно получите ту же Медаль Королевской Благодарности за службу, что и все остальные на борту - они не могут отказать вам в этом - но с точки зрения карьеры, я боюсь, что вы потеряетесь в общей неразберихе." Он пристально взгляделся в лицо Трэвиса. "У меня такое чувство, что у вас есть один или два врага в высших эшелонах власти, лейтенант."

Трэвис поморщился. Что он должен был на это ответить? "У меня не было намерения вызвать какую-нибудь враждебность, сэр," - сказал он, тщательно подбирая слова.

"Намеренно или нет, но вы, по-видимому, преуспели," - сказал Хейсман. "Я предполагаю, что последний такой случай произошел во время вашего пребывания на борту Феникса."

Трэвис почувствовал, как у него дернулась губа. Да, покойный энсин Фентон Локателли, племянник ныне знаменитого и высоко оцененного героя Мантикоры. Еще до битвы адмирал Локателли, вероятно, имел достаточно влияния, чтобы помешать Трэвису получить какие-либо награды. Теперь это было предрешено.

Но Трэвис ничего не мог с этим поделать. И даже если бы это было так, он не стал бы пытаться. По сравнению с жертвами, принесенными столькими мужчинами и женщинами, чтобы защитить свои миры, его собственный скромный вклад казался довольно незначительным. "Я ценю ваши усилия, сэр," - сказал он. "Если это все - "

"Не совсем," - буркнул Хейсман. "Позвольте мне начать с очевидного. Я знаю, что такие вещи - это удар в голень, но я бы не стал тратить слишком много времени на беспокойство об этом. На флоте полно политических животных. Но в пересчете на живой вес остальных намного больше."

Остальные - это те, кто хотел делать свою работу в меру своих возможностей? Или Хейсман также включал бродяг, которым действительно было все равно, где они находятся, пока они получали постоянную зарплату?

Потому что их, конечно, тоже было много. Отстраненно он задался вопросом, будут ли они теперь предпринимать согласованные усилия, чтобы уволиться со службы. "Да, сэр," - сказал он вслух.

"И я не имею в виду бездельников, о которых вы постоянно пишете," - продолжал Хейсман. "Это действительно беспокоит вас, не так ли? Люди, которые не следуют надлежащей процедуре?"

"Процедуры существуют для определенных целей, сэр."

"Даже если вы не видите эту цель?"

"Всегда есть цель, сэр," - сказал Трэвис немного чопорно. "Даже если она не очевидна."

"Я ценю ваш оптимизм в таких вещах," - сказал Хейсман. "Но я должен сказать, что это делает вас чем-то вроде аномалии. Как правило, кто-то столь же твердо, как и вы, следующий процедуре, является умственно негибким во всех других аспектах жизни. Вы, с другой стороны, не только можете мыслить вне линий, но иногда и рисовать свои собственные."

"Благодарю вас, сэр," - сказал Трэвис, гадая, что это означает: комплимент или обвинение. "Но на самом деле я не совершил ничего экстраординарного."

"Люди, у которых есть талант к чему-то, никогда не думают, что это большое дело," - сухо сказал Хейсман. "Я хотел сказать, что обе эти характеристики сделают вас непопулярным в определенных кругах. Но вас заметят и оценят те, кто имеет значение. Чего бы это ни стоило."

"Благодарю вас, сэр," - сказал Трэвис. "Пожалуйста, поймите в свою очередь, что я вступил во Флот не ради славы или признания. Я присоединился, чтобы помочь защитить Звездное Королевство." Он заколебался. "И если понадобится, умереть за это."

"Я знаю," - сказал Хейсман, и его голос стал немного мрачнее. "К сожалению, это также сделает вас непопулярным в определенных кругах. Подлинные, искренние патриоты - это помеха для циничных манипуляторов."

Некоторые морщины на его лице разгладились. "Что подводит меня к последнему вопросу. Вся эта пародия, намек на какую-то саркастическую фразу, которая, кажется, преследует вас повсюду. Вообще, что все это значит?"

Трэвис вздохнул. "Это началось еще в школе," - неохотно ответил он. "Один из учителей воображал себя ученым и умным и любил давать своим ученикам прозвища. Я был Трэвис Урия Лонг, или Трэвис У. Лонг, что, по его мнению, звучало как Трэвис Улун, а Улун был разновидностью чая Старой Земли. Отсюда Трэвис Чай - Трэвис Ти."

"Трэвисти - пародия," - кивнул Хейсман, и легкая улыбка заиграла на его лице. "И с вашей склонностью к соблюдению даже незначительных правил, саркастическое направление было, вероятно, неизбежным."

"Да, сэр." Трэвис собрался с духом. "Я был бы вам очень признателен, сэр, если бы вы... не распространяли это слишком далеко."

"Нет проблем," - ответил Хейсман. "Хорошо. Мне только что сообщили, что Кейси будет еще месяц в доке, так что отпуск всем продлен. Но в любой момент вас могут вызвать для дачи дополнительных показаний, так что не уезжайте слишком далеко от Лэндинга."

А потом, к удивлению Трэвиса, он поднялся на ноги. "Отличная работа, Трэвис," - сказал коммодор, когда они обменялись рукопожатиями. "Я с нетерпением жду возвращения на Кейси вместе с вами. И как можно скорее."

Его взгляд стал немного отстраненным. "Потому что у меня такое чувство, что Мантикора вот-вот потеряет тот славный, мирный статус захолустья, которым мы так долго наслаждались. Я не знаю, как и почему. Я не думаю, что кто-то знает. Но я могу это гарантировать: по состоянию на две недели назад КМФ уже не шутка и политический футбол. Кто-то там снаружи что-то замыслил."

Его лицо напряглось. "Вы сказали, что готовы умереть за Звездное Королевство. Вы вполне можете получить этот шанс."

* * *

"Ну и черт с ними," - проворчал Брэкуотер, взглядываясь в свой планшет. "Они ему отказали."

Уинтерфолл хмуро взглянул на него. "Кто кому в чем отказал?"

"Флот отказал в присуждении твоему брату Медали за Выдающуюся Доблесть," - сказал Брэкуотер. "Полагаю, теперь тебе придется вычеркнуть эту часть из своей речи."

"Все в порядке," - сказал Уинтерфолл, возвращаясь к соответствующему разделу своей предстоящей речи. Было бы неплохо включить эту благодарность его брату, дань, которая, как указывал ранее Брэкуотер, также неявно подняла бы престиж самого Уинтерфолла.

Но он мог обойтись и без этого. Кроме того, героизм и достижения двух корветов МПСС были более важны для его аргументов, и это не было чем-то, что Локателли и флот могли отнять.

Он уже стирал упоминание о брате, когда его внезапно осенила странная мысль.

Могло ли быть так, что флот лишил Трэвиса медали из-за него?

Хуже того, ему вдруг пришло в голову, что первое, на чем он сосредоточился, услышав эту новость, было то, как она повлияет на его собственные политические достижения.

Было ли это правильным? Потому что это точно не казалось правильным.

Он снова посмотрел на Брэкуотера. Канцлер тихо обсуждал с баронессой Твинривер и графом Шиллоном предстоящие дебаты о дополнительном финансировании МПСС, о незначительной правке по поводу медали лейтенанта Трэвиса Урии Лонга или ее отсутствии явно уже забыли.

Какого черта вообще Уинтерфолл делал?

Он посмотрел на свой планшет. То, что он делал, было защитой жизни, свободы и безопасности Звездного Королевства Мантикора самым лучшим способом, который он знал. Только что врученный Крест Мантикоры, сияющий на груди адмирала Локателли, вызывал всеобщее одобрение и оживление, и Уинтерфолл прекрасно знал, что Дапллейк и Казенестро поспешат обратить это признание в большее количество денег и людей.

Но это было бы ошибкой. Флот мечты Дапллейка, больше и сильнее, чем когда-либо, не сохранит Звездное Королевство в большей безопасности. Напротив, это заставило бы Мантикору все больше и больше выглядеть для их соседей угрозой.

И это был абсолютно неправильный путь для Звездного Королевства. Хевен и далекая Соларианская Лига были самыми большими псами на этой улице, и они бы не стали благосклонно смотреть на звездную нацию, которая строит свою коллекцию демонстрирующих силу кораблей.

Возможно, Дапллейк не читал историю Густава Андермана. Но Уинтерфолл читал. После завоевания Куань-Иня и переименования его в Потсдам Андерман захватил пять других систем, по крайней мере три из них только потому, что считал их угрозой своей новой империи.

Мантикора была далеко от Потсдама, а Андерман уже в годах. Но самозванный император был по меньшей мере полусумасшедшим. Кто знает, что он сочтет угрозой?

И было до боли ясно, что если Андерман нагрянет в ближайшее время, у КФМ не будет ни малейшей надежды остановить его.

Дапплейк, возможно, не сможет сложить все эти цифры. Король Эдвард, сам в прошлом бывший флотским офицером, возможно, не сможет увидеть общую картину. Эта задача выпала Брэкуотеру и его союзникам.

Включая Уинтерфолла.

Это был невероятно мелко, наказывать Трэвиса за действия его сводного брата. Но Уинтерфолл не мог позволить чувству вины или гневу разубедить или отвлечь его. Он был членом Палаты лордов, и его ответственность распространялась на все Звездное Королевство.

Он дал клятву защищать свой народ. И Трэвис тоже. Теперь они оба должны были служить так, как считали нужным.

Прокрутив страницу вниз, Уинтерфолл вернулся к работе над своей речью.

<http://tl.rulate.ru/book/29809/638797>